

УДК 811.511:143; 39

М.В. Кумаева

Параллелизм в текстах устного народного творчества народа манси

Аннотация. Тексты фольклора сохранили особенности языка предков и донесли из глубины веков до настоящего времени многие фольклорные формулы, архаизмы, сравнения, эпитеты, метафоры и другие изобразительно-выразительные средства. В статье рассматриваются параллелизмы в различных жанрах устного народного творчества народа манси и дается их характеристика.

Ключевые слова: фольклор, сказка, параллелизм, числа в фольклоре, песня, загадка.

M.V. Kumaeva

Parallelism in the texts of Mansi folklore

Summary. Folklore texts have preserved the features of the ancestors' language and have brought many folk formulas, archaisms, comparisons, epithets, metaphors and other figurative-expressive means from the past to the present time. The article analyzes the parallelisms in various genres of Mansi folklore and gives their characteristics.

Keywords: folklore, fairy tale, parallelism, numbers in folklore, song, riddle.

Параллелизм «как синтаксическое средство способствует созданию упорядоченности, симметрии композиции текста. Самое важное требование в параллельной конструкции – это подобие структур в частях текста, близко следующих друг за другом, либо в двух или более предложениях сверхфразового единства» [1, 59]. Одним из ярких изобразительно-выразительных средств языка мансийской устной народной поэзии является параллелизм. Обратимся к толкованию значения параллелизма в словаре О.С. Ахмановой: «Параллелизм – связь между отдельными образами, мотивами и т.п. в произведении речи, выражающаяся в одинаковом расположении сходных элементов; одинаковое расположение сходных членов предложения в двух или нескольких смежных предложениях» [2, 311]. А.Н. Баландин,

исследователь мансийского языка и фольклора, отмечает: «Параллелизм, ... передача одной и той же мысли двумя параллельно стоящими выражениями, в той или иной мере отличными одно от другого по форме, является важнейшей особенностью художественного стиля мансийского фольклора». <...> «Особенно своеобразным является параллелизм, отличающимися словами которого являются числительные. Например: «Сāt хār хāйтум тēпың Āсн, хōт хār хāйтум тēпың Āсн лāvвёсум. / Определен я на питательную Обь с семью бегающими быками, на питательную Обь с шестью бегающими быками»; «Ėква-пыгрись, наң сāt мутраң, хōт мутраң хотёлимтаве / Эква-пыгрись, разве можно побороть твои семь мудростей, твои шесть мудростей». Семь-шесть имеют значение бесконечного количества, и потому

они синонимы» <...> «Сāt хōтал ђлсум / Семь дней жил... Этэ сāt, хōталэ сāt ђлыс / Ночей семь, дней семь жил... Сāt тāl, сāt тув ропитас / Семь зим, семь лет работал... Тālэ сāt ялсыт, туве сāt ялсыт / Зим семь ходили, лет семь ходили... Тālэ сāt олзыг, туве сāt олзыг / Зим семь живут, лет семь живут» <...> «Часто встречающееся в сказках число семь 'сāt', несомненно, является священным. Оно не только играет роль определения к различным объектам, персонажам и героям мифологической поэзии, но иногда имеет и само-

стоятельное мифологическое значение, как то: товлың сāt, лāглың сат – семь крылатых, семь ногатых (священная семерица). Лувың сāt, нѣвлиң сāt – костяная неделя, мясная неделя» [3, 78]. В.С. Ивановой зафиксирована мансийская песня «Миснэ ос вōраян хум» – «Миснэ и охотник» от информанта П.Р. Кугина, в тексте данной песни мы находим параллелизмы, которые придают тексту эмоциональность, выразительность. Приведем пример:

Миснэ начинает уговаривать мужчину.

Поет:

Мужчина, рожденный человеком,

Прислушайся ко мне,

Прислушайся ко мне.

Не без соболей семь холмов,

Семь холмов с лесным зверем

Тебе в руки отдаю,

Тебе все отдаю...

Миснэ опять продолжает петь:

Семь холмов со зверем,

С петлями на соболей семь холмов,

Если это тебе мало,

С семьёю углами дом из лиственницы

За это я тебе отдам.

Стрелу свою трехгранную

Вынимай из него,

Вытаскивай из него...

Мужчина, рожденный человеком,

Мужчина, рожденный человеком,

Прислушайся ко мне.

Дом лиственничный с семьёю углами, Семь

холмов для охоты,

Если и этого тебе мало,

Если это мало тебе.

Голову свою с семьёю косами Мужчине,

рожденному человеком,

В нечистый угол дома

Туда я положу,

Туда я явлюсь...» [4, 36].

В вышеприведенном тексте наблюдаются также случаи аллитерации, тавтологии. Примером параллелизма может служить песня «Я мёсыг хум» («Мужчина излучины реки»):

«... Как мелких монет звонкий звук,

Как мелких монет звенящий звук

Пусть за семь плёсов слышится,

Пусть за шесть плёсов слышится.

После моего ухода

Плёсы семи лесных рек быстротечных,

Плёсы семи лесных рек ветряных

Плавниковой рыбой пусть наполнятся,

Чешуйчатая рыба пусть к ним поднимается...» [5, 272].

«Параллелизм как синтаксическое средство способствует созданию упорядоченности, симметрии композиции текста. Самое важное требование в параллельной конструкции – это подобие структур в частях текста, близко следующих друг за другом...» [1, 59]. «Язык песен отражает не только язык того периода, когда песня была записана, но и язык диалекта данной местности в прошлые времена, иногда очень далекие; кроме того, в репертуар песен данной местности входят и песни, заимствованные из других мест, которые содержат свои диалектные особенности» [6, 224]. В песнях отражаются чувства, мысли,

переживания исполнителя, непременно находит место в песне и то пространство, все то, что его окружает, – в образных выражениях. Исполнитель песни с любовью, с восхищением, с восторгом воспеваает свою малую родину.

Параллелизм, как и метафора, является распространенным и в таком жанре, как загадка, приведем пример: «Ам а́мышма! Э́тэ са́т йиквегы́т, хоты́лэ са́т йиквегы́т. – Ты ма́ныр, ва́глына?! (Ты вотна хойим йивы́т) / Моя загадка – э́й! И семь ночей пляшут – танцуют, и семь дней пляшут – танцуют. – Что

Качаю я своё дитятко
В хорошей люльке с обручевым ободом.
Качаю я своё дитятко
В хорошей люльке с корневым ободом.
Качаю я своё дитятко
Пятипалой ногой (с пятью пальцами).
Маленькая Федосья, дитятко моё,
Без отца грудью тебя выращивала.
Маленькая Федосья, доченька моя,
Без отца грудью тебя выкармливала.
Маленькая Федосья, доченька моя,
Маленькая Федосья, дитятко моё,
Выращиваю я подрастающие концы
рук твоих,
Выращиваю я подрастающие концы
ног твоих.
Как бы не случилось что с твоими ручками,
Как бы не случилось что с твоими ножками,
А после этого,
Маленькая Федосья, дитятко моё,
Очень-то не кричи – будет, родненькая.
Очень-то не хныкай – будет, славненькая.
Тщи! Глазыньки твои,

это, знаете? (Порывом ветра деревья раскачивает)» лз. (Мункачи). «Ам а́мышум-ов! Ты са́мт са́грапан по́рнтул та са́мна паты, та са́мт са́грапан по́рнтул ты са́мна паты. – Я, ханьщелын, маныр? (Ты хон нэпак тыг тув яласы) / Моя загадка – э́й! В этом краю рубанут щепку – в тот край падает, в том краю рубанут щепку – в этот край падает. – А ну-ка, отгадайте, что это? (Официальная бумага туда-сюда «ходит»)» лз. (Каннисто)» [7, 178].

Обратимся к следующему примеру, к тексту «Ўлылап» («Колыбельная песня»):

Вынесу я тебя на улицу
За посёлок с площадью.
Опротай свой животик,
Маленькая женщина с животиком.
Руки твои – молодые деревца,
Ноги твои – молодые деревца.
А после этого –
Тщи! Спи, моя маленькая.
Тщи! Спи, моя родненькая.
Очень-то не рыдай,
Очень-то не кричи...
Закружилась головка
Маленькой женщины.
А после этого –
Выйду я на улицу из своего дома.
С двумя прирубями.
Много женщин со всего посёлка
Скажут мне: «Ох, у тебя дитятко!»
А после этого – как отвечу я им?
Зайду, бедная, в дом
С площади поселка с площадью.
Выну я тебя из хорошей люльки
С корневым ободом,
Подниму я тебя вверх

Тщи! Глазыньки твои – опухнут.
А после этого, а после этого,
Маленькая Федосья, дитятко моё,
Маленькая Федосья, доченька моя,

Пятипалой рукой (с пятью пальцами),
Буду я с тобой похаживать
По тесовому полу с десятью тесинами.
Буду я понашивать
По тесовому полу с десятью тесинами [8, 136].

Песня состоит из множества параллелизмов и тавтологии. По мнению И.А. Солодовой, «... синтаксически параллельные конструкции задерживают внимание читателя... Повышение внимания обусловлено усилением остроты восприятия при скоплении конструктивно одинаковых предложений» [9, 12].

В сказке «Төрүм лавум акв нуса» («Богом назначенный самый бедный человек») мы находим параллелизмы и числовые значения: «... Сярык мувылтаңкве патэгум, сāt хотал мувылтэгум... / Начинаю обходить свое стадо оленей, семь дней обхожу его... <...> Тав ойкатэ хуйн сыс ань мōлал сāt āмпар тāгыл тәнүт, сāt āмпар тāгыл маснут сунн та тāлттыстэ...» / «Пока спит ее муж, она нагрузила прежние полные семь амбаров одежды, (прежние) семь амбаров пищи на нарты нагрузила...» [10, 143].

Выразительные средства мы находим в тексте мансийской народной сказки «Āс-талях-ōтыр мōйт» («Сказка о духе-хранителе реки Обь»):

«Нāңкныл нāңк пōрнтул вис, хōвтыл хōвт пōрнтул хусатас, ўльпал ўльпа пōрнтул хусатас, таргыл тарыг пōрнтул хусатас, пуңк ўлтта лысанэ. Холытан āлпыл нōх-квāлманылт: сāt нāңк олтым кол ўнлы, кол кйвырт хуёгыт. / Взял он с ели щепку еловую, с лиственницы щепку лиственничную взял, с кедра щепку кедровую взял, с сосны щепку сосновую взял, через голову бросил. Затем они закрыли глаза и головы и легли спать. На следующий день утром встали: оказывается, они спят в доме длиною в семь бревен из лиственницы» [11, 176].

В тексте сказки «Āстальх-ōтыр-лувың-хум мōйт» («Сказка о духе-хранителе реки Обь») мы также находим встречающееся в тексте числовое значение 'сāt' и параллелизмы: «... Пыгрись тув ми́нас. Хāйтыс, хāйтыс, вāгтāл патыс. Тув ёхтыс, нōңхаль сунсы: хāль, хōтал нāглапан пāлыл сāt лупта ханёгыт. Сяр сōрнияныл ёлаль пāсгёгыт, сōрнияныл нōңхаль суртгёгыт, нас хōтыглы. / Юноша пошёл туда. Бежал, бежал, устал. Туда пришел, вверх смотрит: береза, на стороне восходящего солнца, (на березе) висят семь листьев. Золотой свет (от них) вниз опускается, золотой свет вверх поднимается, ярким светом всё освещается (как днём)...

... Когда-нибудь он тебе слугой будет. Его семи амбаров мука, семи амбаров золота, всё он тебе отдаст...».

... Семь столов с золотой едой, с медовой едой стол соединили, пригласили жителей города, жителей деревни. Гостили, ели, пили, до сих пор живут, до сих пор здравствуют».

В текстах мансийских сказок обязательными элементами являются «сказочные формулы»: олэг-хўлэг / живут-поживают; Мўйлысыт, тэсыт, айсыт, ань ты мус олэгыт, ань ты мус щунёгыт / Гостили, ели, пили, до сих пор живут, до сих пор здравствуют; эрыг тотнэ хум, мōйт тотнэ хум / в песнях прославляемый человек, в сказках прославляемый человек; элмхōлас исың тōрм паты и элмхōлас нотың тōрм паты / наступит долгая человеческая жизнь, наступит вечная человеческая жизнь и др. Сказочные формулы также построены на параллельной конструкции.

В рассмотренных нами мансийских фольклорных текстах мы выявили употребление

частого числового элемента 'sāt' семь в параллелизмах в таких жанрах, как песни, загадки, сказки. «В устном народном творчестве, особенно в мифах и молитвах, числа выступают в соответствии с космогонической моделью мира – вселенной. <...> ... число 7 встречается во всех сферах духовной культуры обско-угорских народов. Очень часто встречается число 3. Очень редко встречаются числа 10, 12...» [4, 36].

Таким образом, параллелизм в текстах устного народного творчества имеет различные

модификации – полный параллелизм и частичный. В рассмотренных текстах параллельные конструкции опираются на повторы знаменательных и служебных слов (послелогов, союзов), аллитерацию, ассонанс.

Одна из главных функций, которые выполняют различные виды повторов, параллелизмов в произведениях устного народного творчества – создание экспрессивности, мелодичности, напевности.

Литература

1. Глухова Н.Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. Йошкар-Ола, 1996. С. 59.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 311.
3. Баландин А.Н. Язык мансийской сказки. Л., 1939. С. 78.
4. Иванова В.С. О семантике чисел в духовной культуре обских угров. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 36.
5. Иванова В.С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – XXI век). Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. С. 272.
6. Язык фольклора: хрестоматия / сост. А.Т. Хроленко. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 224.
7. Загадки мансийские (вогульские) / авт.-сост. Т.Д. Слинкина. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. С. 178.
8. Земляной братец: мансийские сказки, предания, песни, загадки // Записи, перевод, сост. и примеч. В.В. Чернецова, публикация Н.В. Лукиной. Томск: Изд. Томск. ун-та; Средне-Урал. кн. изд. С. 136.
9. Солодова И.А. Синтаксический параллелизм в акте коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993. С. 12.
10. Мансийские сказки: для уч-ся 5–8 классов / авт.-сост. Е.И. Ромбандеева, Т.Д. Слинкина. СПб.: «Издательство «Дрофа» Санкт-Петербург», 2003. С. 143.
11. Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси / авт.-сост. М.В. Кумаева. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. С. 176.

References

1. Gluhova N.N. Struktura i stil' tekstov marijskih zagovorov. Joshkar-Ola, 1996. S. 59.
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Editorial URSS, 2004. S. 311.
3. Balandin A.N. Jazyk mansijskoj skazki. L., 1939. S. 78.
4. Ivanova V.S. O semantike chisel v duhovnoj kul'ture obskih ugrov. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002. S. 36.
5. Ivanova V.S. Lokal'nye osobennosti v obrjadnosti severnyh mansi (konec XIX – XXI vek). Hanty-Mansijsk: ИИЦ ЮГУ, 2010. S. 272.
6. Jazyk fol'klora: hrestomatija / sost. A.T. Hrolenko. M.: Flinta: Nauka, 2005. S. 224.

7. Zagadki mansijskie (vogul'skie) / avt.-sost. T.D. Slinkina. Hanty-Mansijsk: GUIPP «Poligrafist», 2002. S. 178.
8. Zemljanoj bratec: mansijskie skazki, predanija, pesni, zagadki // Zapisi, perevod, sost. i primech. V.V. Chernecova, publikacija N.V. Lukinoj. Tomsk: Izd. Tomsk. un-ta; Sredne-Ural. kn. izd. S. 136.
9. Solodova I.A. Sintaksicheskij parallelizm v akte kommunikacii: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 1993. S. 12.
10. Mansijskie skazki: dlja uch-sja 5–8 klassov / avt.-sost. E.I. Rombandeeva, T.D. Slinkina. SPb.: «Izdatel'stvo «Drofa» Sankt-Peterburg», 2003. S. 143.
11. Skazki, predanija i bylichki verhnesosvinskih mansi / avt.-sost. M.V. Kumaeva. Hanty-Mansijsk: Izd-vo Jugrafika, 2012. S. 176.